

БОРИС
КАПУСТИН

РЕАЛИЗМ
и УТОПИЗМ:
СЛУЧАЙ
МАКИАВЕЛЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Борис Гурьевич Капустин

Реализм и утопизм.

Случай Макиавелли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73820123

Реализм и утопизм. Случай Макиавелли: Москва; 2026

ISBN 978-5-93255-711-2

Аннотация

Что есть политический реализм: фиксация фактов или постижение скрытых тенденций? А утопия – несбыточная мечта или призыв, способный преобразить мир? Наконец, есть ли в политике место для морали? Книга отвечает на эти вопросы через призму наследия Макиавелли. Автор показывает его не советником государей, а моралистом, утопистом и «народным трибуном». Диалог с таким Макиавелли позволяет автору осмыслить ключевые для работы понятия «утопического реализма», «перформативной утопии» и «политической онтологии морали».

Книга адресована всем, кто интересуется современной политической теорией.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Адресат послания	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Борис Капустин

Реализм и утопизм.

Случай Макиавелли

Карта мира, на которой нет утопии, не заслуживает даже мельком брошенного взгляда, ведь на ней нет одной страны, к которой всегда причаливает человечество.

Оскар Уайльд. Душа человека при социализме

...Это и будет правильный путь в рай: изучить дорогу в ад, дабы избежать ее.

Никколо Макиавелли. Письмо Франческо Гвиччардини, 17 мая 1521 г. (пер. М. А. Юсима)

Кто бы ни написал имя Макиавелли на чистом листе бумаги, не может избежать ощущения трепета. Вслед за бесчисленными другими, писателями и властителями, историками и философами, политическими аналитиками и стратегами, моралистами и теологами, он также осмеливается вопрошать сфинкса... и автора, чья прозрачная и в то же время совершенно двусмысленная речь маскирует его намерения и чья череда вдохновенных прозрений в течение четырех веков противится искусности и изобретательности комментаторов.

Раймон Арон. Макиавелли и Маркс

Рецензенты:

О. В. Гаман-Голутвина, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, зав. кафедрой МГИМО МИД России, профессор НИУ ВШЭ, президент РАПН.

М. М. Федорова, доктор политических наук, руководитель сектора истории политической философии Института философии РАН.

© Борис Капустин, 2026

© Издательство Института Гайдара, 2026

Введение

Данная книжка – попытка вытянуть одну ниточку из тугого клубка тем, наблюдений, прозрений, парадоксов или даже противоречий, иронических замечаний, исторических экскурсов, страстной риторики и многого другого, что образует интеллектуальное наследие Макиавелли, – ниточку утопизма. Однако само ее обнаружение в этом клубке кажется, по крайней мере, проблематичным. Разве не известно, что Макиавелли – жесткий реалист? Более того, он давно причислен к сонму «канонических» классиков политического реализма, наряду с Фукидидом, Августином Блаженным, Гоббсом, Юмом, Ницше, Максом Вебером...¹ Наконец, разве не пишет он сам со всей определенностью, что ему представляется «более верным искать настоящей, а не воображаемой правды вещей. Многие измыслили республики и княжества, никогда не виданные и о которых на деле ничего не было известно. Но так велико расстояние от того, как протекает жизнь в действительности, до того, как должно жить, что человек, забывающий, что делается ради того, что должно делать, ско-

¹ См.: Sleat Matt, *Liberal Realism: A Realist Theory of Liberal Politics*. Manchester: Manchester University Press, 2013, p. 2; Alison McQueen, «Political Realism and the Realist „Tradition“», in *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2017, Vol. 20, No. 3, pp. 1, 4 и др.

рее готовит свою гибель, чем спасенье»²? Реализм и утопизм не только «здравому смыслу», но и многим исследователям, в том числе – наследия Макиавелли, видятся антиподами. Между ними, пишет Э. Харрис Харбинсон, царит «извечное напряжение [как] между двумя полярно противоположными подходами к этим (политическим, социальным, экономическим. – Б. К.) проблемам – подходом «реалиста» и подходом «моралиста»»³. Следуя таким путем, можно прийти к уже совсем радикальному выводу о том, что «Макиавелли в своих произведениях впервые (sic!) в истории европейской политической мысли совершил переход от утопизма к реализму»⁴.

Разумеется, данная книга – не первая попытка обнаружить и описать утопическую составляющую политической мысли Макиавелли. Этим занимались теоретики калибра Антонио Грамши, Луи Альтюссера, Фредрика Джеймисона, Ганса Моргентау...⁵ Продолжается разработка этой темы и

² Никколо Макиавелли, «Государь», в: Никколо Макиавелли, *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве*. Москва: Мысль, 1996, с. 78.

³ E. Harris Harbinson, «Machiavelli's „The Prince“ and More's „Utopia“», in William Henry Werkmeister (ed.), *Facets of the Renaissance*. New York: Harper & Row, 1963, p. 42. Обратим внимание на то, что у Харбинсона (как и у многих других авторов) утопизм, по сути, отождествляется с морализмом. К рассмотрению проблематичности такого отождествления мы вернемся ниже.

⁴ С. Е. Любимов. «„Государь“ в современных интерпретациях: проблемы и перспективы исследований», *Философские науки*, 2014, № 6, с. 132.

⁵ См.: Антонио Грамши, «Никколо Макиавелли» (пер. Р. И. Хлодовского), в:

современными авторами – при всех различиях между ними, как, впрочем, и между упомянутыми выше «классиками», в понимании и реализма, и утопизма, и того, *как* они предстают в трудах Макиавелли⁶. Однако при всей значимости полученных этими исследователями результатов, которым мы, несомненно, отдадим должное, остаются не вполне понятными природа того, *что* получается благодаря скрещению реализма и утопизма, а также то, каким именно образом Макиавелли производит такое скрещение. Остается недоумение, которое ярко выразил Л. М. Баткин применительно к «загадочной» 26-й главе «Государя», не случайно оказывающейся в центре почти всех дискуссий об утопизме Макиавелли: «Несколько поколений исследователей стараются взять в толк, как мог этот беспощадно трезвый аналитик уверять, что итальянцы... все готовы объединиться вокруг „нового

Антонио Грамши, Антонио Грамши. *Искусство и политика*. Т. 1. Москва: Искусство, 1991; Louis Althusser, Machiavelli and Us. Tr. Gregory Elliott. London: Verso, 2000; Fredric Jameson, «Morus: The Generic Window», in Fredric Jameson *Archeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Essays*. London: Verso, 2006; Hans J. Morgenthau, «The Machiavellian Utopia», *Ethics*, 1945, Vol. 55, No. 2.

⁶ Vittorio Morfino, «„The Prince“ between Gramsci and Althusser», in Machiavelli *Then and Now: History, Politics, Literature*. Ed. Sukanta Chaudhuri et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2022; Christopher Holman, «Machiavelli's Two Utopias», *Utopian Studies*, 2018, Vol. 29, No. 1; John F. Tinkler, «Praise and Advice: Rhetorical Approaches in More's „Utopia“ and Machiavelli's „The Prince“», *The Sixteenth Century Journal*, 1988, Vol. 19, No. 2; Maurizio Viroli, «The Redeeming Prince», in Timothy Fuller (ed.), *Machiavelli's Legacy: „The Prince“ After Five Hundred Years*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.

государя“, лишь бы он поднял знамя. Как мог этот автор, холодно говорящий дело, пренебрегая всякими там сантиментами и красотами, прибегнуть к пламенной риторике? ... Политические иллюзии, неосуществимые прожекты – у *Макьявелли?!»*⁷.

В самом деле, если «Воззвание об овладении Италией и освобождении ее из рук варваров» (26-я глава «Государя») – «прожект», то это, бесспорно, провальный «прожект». Примечательно, конечно, то, что никто не понимал его провальность отчетливее и пронизательнее самого Макиавелли (как реалиста). Накануне начала войны Коньякской лиги (в которой, кстати, «объединились» всего четыре итальянских государства, а главной военной силой выступала Франция), он в отчаянии пишет Гвиччардини: «Короче, мой вывод таков, что здешняя банда (речь о властях Флоренции. – *Б. К.*) никогда не совершит что-либо достойное и смелое, ради чего стоит жить или умереть. Я видел столько страха в гражданах Флоренции и нежелания сопротивляться кому-либо, кто готовится растерзать нас, и у этого вывода нет исключений»⁸. То есть ни малейших иллюзий насчет готовности Италии объединиться, как и ее политической и военной дееспособности, у Макиавелли нет. Не было их и в период написа-

⁷ Л. М. Баткин, «Макьявелли», в: Л. М. Баткин, *Итальянское Возрождение. Проблемы и люди*. Москва: РГГУ, 1995, с. 351.

⁸ «Letter 301. Niccoló Machiavelli to Francesco Guicciardini. 19 December 1525», in *Machiavelli and His Friends: Their Personal Correspondence*. Ed. James B. Atkinson et al. De Kalb (IL): Northern Illinois University Press, 1996, p. 372.

ния «Государя»⁹.

Не вправе ли мы предположить на основе вышесказанного, сохраняя веру в жесткий реализм Макиавелли, что в «Воззвании» нет ни «иллюзий», ни «прожектов»? Что все содержащиеся в нем утверждения о готовности Италии «стать под чье-нибудь знамя, лишь бы нашелся человек, который его поднимет», о том, что никогда и никому «обстоятельства так не помогали, как сейчас нам», что в деле освобождения и объединения «не может быть больших трудностей», коль скоро в Италии «нет недостатка в (человеческом. – Б. К.) материале, которому можно придать любую форму», и т. д. и т. п.¹⁰, есть нечто совсем иное, чем «иллюзии» и «прожекты». Если так, то что же они такое?

Я назову такие продукты мысли *перформативными утопиями*. Они – собственные порождения того же жесткого реализма в момент перехода его как теории в практическое политическое действие. Они есть, так сказать, механизмы такого перехода. Понятно, что в одних ситуациях такие механизмы «срабатывают», а в других – нет. Они не «сработали»,

⁹ В том же 1513 году Макиавелли пишет Веттори: «...У итальянцев слишком много вождей и они разъединены, и не видно, кто мог бы их возглавить и объединить». Я «начну теперь же оплакивать вместе с Вами нашу погибель и рабство, которые наступят, может быть, не сегодня и не завтра, но, во всяком случае, в наши дни...» (Никколо Макьявелли, «Письмо Франческо Веттори от 26 августа 1513 года» (пер. М. А. Юсима), в: Никколо Макьявелли, *Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма*. Москва: АСТ, 2004, с. 700, 701). «Погибель» наступила чуть более десятилетия спустя.

¹⁰ См.: Макиавелли, «Государь», с. 106–107.

к примеру, в Италии периода Чинквеченто, но «сработали», скажем, в период Американской революции или – в иной инкарнации – в Рисорджименто. Рассмотрение перформативных утопий – центральная задача этой книги.

Но если перформативные утопии есть плоть от плоти (определенного типа) реализма, то нам придется уточнить и это понятие. Мы уже знаем от Макиавелли, что реализм имеет дело только с «настоящей правдой вещей», а не с «воображаемой правдой». Последняя и есть «иллюзии» или выдавание желаемого за действительное, когда первое и не предназначено для перехода в практику, не представляет даже потенциальных способов своей материализации и не интересуется ими. В этом смысле «воображаемая правда» действительно – противоположность перформативной утопии. Но что понимать под «настоящей правдой вещей»? Это – то, *что* только «есть» как наличное здесь и сейчас, *что* видится «невооруженному глазу» любого наблюдателя? Это, так сказать, «факты» – в их простом позитивистском понимании? Или это «есть» нужно брать вместе со становлением, с потенциями и тенденциями изменения, которые далеко не всегда «видимы» в наличном на «поверхности» действительности, но которые тоже «бытийствуют». А если становление, потенции и тенденции, – тоже часть реальности, причем очень важная ее часть, то не следует ли далее сказать, что действия людей и то, *что* их мотивирует, направляет, делает «понятными» и потому увязываемыми с действиями других людей,

т. е. представления, устремления, картина мира с присущими ей разграничениями возможного и невозможного, мыслимого и немислимого, желанного и нежеланного, должного и недолжного и т. д., – также есть составляющие реальности? И не является ли реализм, знающий только «факты» и упускающий их динамику и то, *что* ее обуславливает, воистину *иллюзорным*? И, напротив, не реалистичен ли только такой реализм, который способен видеть и признавать и то, чего (еще) нет на «поверхности» общественного бытия¹¹, но к чему «идет дело» или, точнее, то, что *может быть*? И уж коли нечто только *может* быть, то такому реализму должно быть ясно, что это произойдет, если произойдет, не в соответствии с некими (воображаемыми) «законами», провиденциальными, экономическими или «развития человеческого разума», а в силу меняющихся обстоятельств, *ситуативно*, в логике перестраивающихся соотношений и конфигураций общественных сил.

Я считаю, что макиавеллиевский реализм – реализм этого второго типа. Обоснование такого суждения – другая важная задача данной книги. Реализм этого типа я называю «утопическим реализмом»¹². У данного термина есть две основ-

¹¹ Я беру это понятие в том смысле, какой ему придает Дьердь Лукач. См.: Дьердь Лукач. *К онтологии общественного бытия. Прологомены* (пер. И. Н. Буровой и др.). Москва: Прогресс, 1991, глава 1 «Сущность общественного бытия».

¹² Термин «утопический реализм» уже довольно прочно утвердился в обиходе общественных наук. См.: Anthony Giddens, «Modernity and Utopia», in Anthony Giddens, *Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990, p. 154 ff.; Ken

ные коннотации. Первая и более общая дает понять, что речь идет о реализме, который способен «видеть» то, чему еще нет места (*ou-topos*) на поверхности политической действительности, но видеть это не в качестве «скрытой сущности» (такой реализм строго антиэссенциален), а как нереализованную в настоящем возможность. Вторая коннотация акцентирует способность данного вида реализма «вобрать» в себя утопию в специальном значении этого понятия, а именно – перформативную утопию, и показать то, *как* она «работает» в реальной политике в качестве одного из мотивов и ориентиров действий людей.

Однако рассмотреть характер макиавеллиевского реализма невозможно, не затрагивая другую тему – его понимание морали и ее отношения к политике. Чрезвычайно распространенное представление об этом отношении состоит в том, что реализм Макиавелли *как таковой* и образован путем разведения политики и морали. Как емко и точно выразили данное представление Карл Маркс и Фридрих Энгельс, у Макиавелли (а также у Гоббса, Бодена и др.) «теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали, и, по сути дела, был выдвинут... постулат самостоятельной трактовки политики»¹³. Реализм, как считается, и заключа-

Booth, «Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice», *International Affairs*, 1991, Vol. 67, No. 3, p. 527–545. Более обстоятельно этот термин будет рассмотрен в третьей главе данной книги.

¹³ Карл Маркс и Фридрих Энгельс, «Немецкая идеология», в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1955, с. 314.

ется в «освобождении» политики от морали, вследствие чего первая предстает в качестве «самостоятельного» явления. Вместе с этим происходит и «освобождение» политическое мышления от утопизма, который ведь, как полагают, и заключается в ожидании и требовании *подчинения* политики моральным принципам и правилам¹⁴.

Я категорически не согласен с такой трактовкой макиавеллиевского понимания связи морали и политики. И дело не только в том, что сочинения Макиавелли *переполнены* моральными суждениями и оценками¹⁵. Важнее то, что эти суждения, как и основополагающее для его реализма требование исходить из «настоящей правды вещей», продиктованы озабоченностью о *нравственном* состоянии современного ему мира, о том, что он предстает *миром порока* – в сравнении с античным миром добродетели, и этот контраст между ними

¹⁴ Как, к примеру, у Канта, у которого «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали <...>, так как мораль разрубает узел, который политика не в силах распутать до тех пор, пока они спорят друг с другом». Иммануил Кант, «К вечному миру», в: Иммануил Кант, *Собрание сочинений в 8 т.* Т. 7. Москва: Чоро, 1994, с. 49.

¹⁵ Бенедетто Кроче пишет: «Удивительно, почему ясно выраженной мысли и остро переживаемой боли морального сознания не достаточно тем, кто болтает об имморализме Макиавелли. Может, за мораль чернь принимает только размазывания елеса и ханжеское лицемерие?» (Бенедетто Кроче, «Макиавелли и Вико» [пер. С. Мальцевой], в: Бенедетто Кроче, *Антология сочинений по философии. История, экономика, право, этика, поэзия*. Санкт-Петербург: Пневма, 1999, с. 128).

представляется Макиавелли «яснее солнца»¹⁶. Вся политическая проблематика Макиавелли обусловлена этой «ясностью» и вытекает из нее. В центре ее вопрос: если, в самом деле, «без... честности не может быть ничего путного»¹⁷, то каким образом и при каких условиях в мире порока все же может возникать нечто «путное», скажем, может воцариться порядок в разорванной феодальными распрями Романье – и это благодаря действиям абсолютно порочного Цезаря Борджиа – или даже могут быть достигнуты объединение и освобождение Италии. Макиавелли, как представляется, не разделяет мораль и политику. Напротив, он, низводя мораль с потусторонних реальной жизни людей горних высей, *встраивает* ее в политику, показывает, *что* она делает или может делать *в* политике, *как* в ней могут возникать морально значимые результаты, даже если они – непреднамеренные следствия действий эгоистов и властолюбцев, почему мораль может обязывать и законченных циников, каким образом добро и зло переходят друг в друга¹⁸. Одна из центральных задач данной книги – привести доводы в пользу такого понимания связи морали и политики, не имеющего ничего обще-

¹⁶ См.: Никколо Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», в: Никколо Макиавелли, *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве*. Москва: Мысль, 1996, с. 225.

¹⁷ Там же, с. 211.

¹⁸ Добро и зло так тесно связаны друг с другом, пишет Макиавелли, «что невозможно пользоваться одним, не подвергаясь другому» (Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», с. 383).

го с имморализмом, а, напротив, позволяющего прояснить онтологию присутствия морали в реальной политике.

Наконец, еще один момент, с прояснения которого начнется основная часть данной книги: кому адресованы тексты Макиавелли? Интерпретация адресата *исходно* сообщает то или иное направление исследованию каждого из приведенных выше основных для данной работы вопросов. К примеру, если мы согласимся с известной позицией Джудит Шкляр относительно того, что утопия по определению есть выражение ценностей и озабоченностей (concerns) интеллектуалов и что она *поэтому* адресована именно им, а не малообразованным господам или крестьянам¹⁹, то сама предложенная нами концепция перформативной утопии лишается всякого смысла и становится невозможной.

Адресат текстов Макиавелли, конечно, может интерпретироваться по-разному, если не сводить этот вопрос к *теоретически* малозначащим посвящениям соответствующих текстов сиятельным и вельможным персонам, и мы рассмотрим ниже некоторые из таких интерпретаций. Но среди них есть одна, весьма популярная как у исследователей, так и в кругах широкой публики, против которой нам приходится решительно возражать хотя бы потому, что она делает невозможным движение мысли по всем трем предложенным нами направлениям – к перформативной утопии, утопическо-

¹⁹ См.: Judith Shklar, «The Political Theory of Utopia: From Melancholy to Nostalgia», *Daedalus*, 1965, Vol. 94, No. 2, p. 371.

му реализму и онтологии морали в политике. Речь идет о той интерпретации, согласно которой тексты Макиавелли – и его «Государь» в первую очередь – есть не что иное, как сборники советов или наставлений власть имущим, а самого его изображают в качестве политконсультанта, если пользоваться нашей современной терминологией.

С возражений против такой интерпретации адресата текстов Макиавелли мы и начнем.

Завершая же введение, нам остается сказать лишь то, что данную книгу не следует рассматривать в качестве очередной экзегезы сочинений Макиавелли. Конечная цель работы – не выяснение «истинного смысла» изречений Макиавелли, а введение в обиход и до некоторой степени апробация понятий «перформативная утопия», «утопический реализм» и «политическая онтология морали». Другое дело, что наследие Макиавелли – неисчерпаемый ресурс и мощный стимул размышлений над этими сюжетами.

Глава 1. Адресат послания

В одном из своих писем Макиавелли формулирует примечательную максиму: «Никому не давать советы и не пользоваться чужими советами, кроме общего совета каждому – следовать велениям души и действовать смело»²⁰. Трактовка сочинений Макиавелли как примеров политконсультирования вообще-то должна была бы начинаться с толкования этой его максимы. Но почему «никому не давать советы»?

С одной стороны, потому, что советы как апелляции к нравственному разуму, как увещевания быть добрым, справедливым, великодушным, правдивым и т. д. не имеют для него никакого смысла – люди реально движимы своими привычками и страстями, даже если последние принимают форму, пользуясь излюбленным выражением XVIII века, «просвещенного интереса». Потому, что «люди не руководствуются (нравственным. – Б. К.) разумом», как выражался Франческо Гвиччардини²¹ и как мог бы сказать и Макиа-

²⁰ Никколо Макьявелли, «Письмо к Джованни Баттисте Содерини от сентября 1506 года» (пер. М. А. Юсима), в: Никколо Макьявелли, *Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма*. Москва: АСТ, 2004, с. 687.

²¹ Франческо Гвиччардини, *Заметки о делах политических и гражданских* (пер. М. С. Фельдштейна). Москва: Наука, 2004, с. 153. Вывод Гвиччардини соответствует наблюдениям самого Макиавелли: политику «...необходимо предполагать всех людей злыми и всегда склонными обнаруживать свою испорченность, как скоро к этому представится удобный случай». «...Люди поступают хорошо

вели, подводя итог собственным наблюдениям. Как минимум, это означает полный разрыв с популярным в Средневековье и продолжавшимся в эпоху Ренессанса литературным жанром «княжеских зеркал», которые действительно представляли собою собрания нравственных советов и наставлений, адресованных власть имущим. Сама возможность продолжения традиции «княжеских зеркал» в эпоху Ренессанса обуславливалась тем, что «гуманисты» по-прежнему обращались к князьям как к *человеку вообще*, пусть и наделенному властью, хотя и понятому уже в качестве не только «носителя разума», но и потенции безграничного совершенствования²². В этой логике уже во времена Макиавелли Джованни Понтано в своем «Государе» (1493) обращается к герцогу Калабрийскому Альфонсу так: «Человеку, а человеку, стоящему у власти, *особенно...*»²³. И далее следуют нравствен-

только по необходимости» (Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», с. 122, 123). Предваряя то, о чем пойдет речь в разделе об онтологии морали, подчеркнем, что данные суждения Макиавелли не имеют ничего общего с иногда приписываемой ему концепцией «злой природы человека».

²² Наиболее возвышенное и поэтизированное выражение этого представления мы находим у Пико делла Мирандола, который изображает человека (вообще!) в качестве «свободного и славного мастера», не имеющего предустановленного образа, но способного творить себя сам, способного «переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» образы. См.: Джованни Пико делла Мирандола, «Речь о достоинстве человека» (пер. Л. М. Брагиной), в: *Эстетика Ренессанса в 2 т.* Т. 1. Москва: Искусство, 1981, с. 249.

²³ Джованни Понтано, «Государь» (пер. Н. А. Федорова), в: Л. М. Брагина (ред.), *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)*. Москва: Издательство Московского университета, 1985, с. 292 (курсив мой. – Б.

ные наставления.

Разрыв с традицией «княжеских зеркал» – и вместе с тем инаугурация «постгуманизма» – происходит вследствие того, что у Макиавелли (и Гвиччардини) исчезает «гуманистический» человек вообще как адресат политического послания и его место занимают люди в их определенности «обстоятельствами» – их ролями в политической жизни, их социальными положениями и статусами, наличием или отсутствием у них ресурсов для осуществления действий определенного рода и т. д. Обращаться к ним нужно *соответственно этому*, т. е. соответственно «настоящей правде вещей», а не «воображаемой правде» «человека вообще» и вечно и универсально «истинных» моральных заповедей²⁴.

С другой стороны, Макиавелли, похоже, считает ненужным или даже невозможным давать советы иного рода –

К.).

²⁴ Обращение к государю как к лицу, призванному явить идеальный образ «человека», и представление о вечных и универсальных нравственных «истинах» (то, что Ницше называл «платонизмом»), которые и структурируют этот идеальный образ, необходимо взаимосвязаны. В варианте «зеркала», созданного Эразмом Роттердамским почти одновременно с «Государем» Макиавелли, эта связь видна особо отчетливо и выступает смысловой и концептуальной осью всего повествования. Государь должен «постараться *быть хорошим человеком* уже ради того, чтобы сделать лучше так много людей», а наставление в этом он получает от философа, который, «презрев ложные подобия вещей, несгибаемым духом ясно различает *истинное добро...*». Эразм Роттердамский, «Воспитание христианского государя» (пер. А. В. Тарасовой), в: Эразм Роттердамский. *Воспитание христианского государя. Жалоба мира. Похвальное слово глупости*. Москва: Мысль, 2001, с. 22–23, 29 (курсив мой. – Б. К.).

относящиеся сугубо к *средствам* достижения неких целей независимо от их нравственного содержания и значения, советы, которые, претендуя на этическую нейтральность или «свободу от ценностей», подразумевают понимание политики в качестве некоторой совокупности «технологических процессов» (обретения власти и распоряжения ею в первую очередь). Иными словами, вера в возможность (и эффективность) таких советов приводит к тому, что «политическая проблема становится технической проблемой»²⁵. Если верно, что Макиавелли воздерживается от советов и такого рода, то как же объяснить то, что он пишет о власти имущих и их действиях прежде всего в «Государе»? Для этого, как представляется, нужно принять во внимание по крайней мере три обстоятельства.

Первое. О ком бы ни шла речь в «Государе» – Ромуле, Септимии Севере, Агафокле, Лодовико Сфорца, папе Юлии II, Цезаре Борджиа и т. д., Макиавелли *описывает* некие свершившиеся ситуации и действия, а *не предписывает* их. Да, в поле его зрения не только случившиеся «факты», но и возможности – в особенности *нереализованные* возможности, коренившиеся в той или иной ситуации, но упущенные

²⁵ Лео Штраус, которому принадлежит данная формулировка, как раз и считал, что таким сведением политического к техническому занимается Макиавелли. Более подробно аргументы Штрауса в пользу такого представления будут рассмотрены в главе об онтологии морали. См.: Лео Штраус, «Три волны современности» (пер. М. Фетисова), в: Лео Штраус, *Введение в политическую философию*. Москва: Логос, Праксис, 2000, с. 72.

действовавшими в них лицами. То, что они не реализовались, имело не меньшее значение для определения динамики данной ситуации, чем состоявшиеся «факты». Ведь это есть такое же конкретное и имеющее свои следствия *событие*, как и состоявшийся «факт». Воспользуюсь в качестве иллюстрации сказанного сюжетом из «Рассуждений». Папа Юлий II, намеревающийся изгнать из Перуджи местного тирана Джампаоло Бальони, вступает в город без свиты и оружия. Бальони, отъявленный злодей, не решается – к большому удивлению даже сторонников папы – схватить и «уничтожить своего врага одним ударом». Возможность направить ход событий в иное русло, реализация которой «прославила бы» Бальони при всей его гнусности, упущена. Именно *благодаря этому* развитие событий пошло путем укрепления и расширения папского государства с далеко идущими следствиями для всей Италии²⁶. Вывод, который можно извлечь из этого, очевиден до того, что и оглашать его неловко: у Макиавелли гораздо более богатое представление о реальности, чем у позитивиста.

Второе. Невозможно и представить себе, чему новому может научить Макиавелли власть имущих. *Их* знание и *практика* того, как свершаются жестокость, коварство, обман, первичны по отношению к тому, что знает о них Макиавелли, лишь рефлектирующий по поводу того, что в действительности сделали *они*. Конечно, рефлексия Макиавел-

²⁶ См.: Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», с. 167–168.

ли приводит к глубоким философским обобщениям (относительно природы политики, роли в ней морали и т. д.), которые персонажам его рассказов, да и его современникам, были неведомы. Но такие обобщения совершенно не годятся для политконсалтинга и, скорее всего, даже мешают ему и разрушают его не меньше, чем наставления власть имущих в добродетели в духе «княжеских зеркал» или философствования Платона, адресованного тирану Сиракуз Дионисию Младшему²⁷. Можно было бы представить себе, что Макиавелли способен – в виде политической консультации – сказать нечто новое *неудачникам*, вроде упомянутого выше Бальони, не реализовавшим подвернувшиеся им возможности, дать им совет быть мерзавцами до конца и не останавливаться в злодействе на половине пути. Но давать такого рода совет уже поздно тем, кто стал неудачником вследствие нереализованной возможности (тот же Бальони, когда писался «Государь», был уже обезглавлен), а в чем именно состоит возможность – неизвестно до того, как развернулась именно данная ситуация, в которой *эта* возможность возникает. Беда политконсультирования в том, что оно приходит, если приходит, либо слишком рано, оставаясь поэтому лишь абстрактным наставлением, либо слишком поздно, превращаясь в резиньяцию и самооправдание консультанта. Оно бы-

²⁷ См. собственное описание Платоном его провального эксперимента в Сиракузах: Платон, «Письмо VII», в: Платон, *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 4. Москва: Мысль, 1994, с. 475–504.

вает своевременным лишь тогда, когда «ничего особенного» не происходит, когда воспроизводится business as usual, когда *не* возникают возможности, от реализации или нереализации которых зависит не (только) личная судьба того или иного политика, а разворот течения истории в ту или в другую сторону. Такой благоприятной для политконсультирования обстановки во времена Макиавелли не было.

Третье. Если политически важный совет, влияющий на характер действий власть имущего, может быть дан, то он должен произноситься «шепотом» и относиться к специфике той ситуации, в которой советуемые действия будут предприняты. О нем ни в коем случае не должны знать противники и оппоненты, чтобы у них не было возможности предпринять упреждающие действия, превращающие данный совет (в лучшем случае) в бессмыслицу. В то же время совет может быть «дельным» и ценным, только если он сосредоточен на *уникальном* – на уникальных чертах именно данной ситуации, которыми адресат совета может воспользоваться уникальным образом для достижения своей цели. Совет, излагающий стандартные «правила» политических действий, применимые к разным ситуациям, есть не совет, а упражнение в школярстве.

Именно под этим углом зрения стоит посмотреть на то, что мы находим в «Государе». Да, описания уникальных ситуаций. Но относительно их невозможны советы – по той простой причине, что все они уже в прошлом. Да, новатор-

ские *обобщения* о природе политики. Но можно ли перевести их в «дельный» совет о том, *как* уникальным образом действовать в очередной – и еще даже не возникшей! – уникальной ситуации? Поэтому великий «макиавеллист» Гаэтано Моска и сомневался в том, что «искусство, которому учит Макиавелли, имеет какую-то практическую ценность само по себе», что «государственный муж... может извлечь из него большую пользу для себя». «Когда возникает вопрос об овладении властью и о ее удержании, знание общих законов, открываемых изучением психологии человека, или постоянных тенденций, обнаруживаемых массами людей, не очень-то и полезно. Самое важное в таких случаях – это быстро и бодро (*readily*) осмыслить свои собственные возможности и возможности других с тем, чтобы хорошо их использовать. Все это столь широко варьируется (в разных ситуациях. – *Б. К.*), что не может быть подведено под общие правила»²⁸. Впрочем, это было отлично понятно и самому Макиавелли, и его наиболее проницательным современникам²⁹.

Примечательно, конечно, и то обстоятельство, что предполагаемые высокопоставленные адресаты «советов» Макиавелли оказываются в числе самых ярких обличителей его «иммoralизма» и «пагубности» его политических «настав-

²⁸ Gaetano Mosca, *The Ruling Class*. Tr. Hannah D. Kahn. New York: McGraw-Hill, 1939, p. 202–203. См. также Catherine H. Zuckert, *Machiavelli's Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 2017, p. 8 ff.

²⁹ См., к примеру: Гвиччардини, *Заметки о делах политических и гражданских*, с. 44–45.

лений». Показательна реакция на Макиавелли Фридриха II Прусского, который еще в бытность кронпринцем написал филиппику под названием «Анти-Макиавелли». В ней «Государь» объявляется одним из «самых опаснейших среди всех вышедших до настоящего времени сочинений», а Макиавелли – «врагом человечества», защиту от которого нас, смертных, Его Высочество отважно возлагает на себя. Оказывается, (мнимые) «советы» Макиавелли привели в «негодность науку управления». Остается предположить, что их цель была именно подрывной и «антиистеблишментной», как сказали бы сейчас. И вообще *такие* «жизнеописания» властителей, какие мы находим у этого «врага человечества», следует «предать вечному забвению»³⁰. И это – умозаключения образцово «просвещенного» и одновременно одного из самых кровавых монархов XVIII столетия. Конечно, такие реакции на Макиавелли можно объяснить в духе известного афоризма Вольтера о том, что «первая вещь, которую должен сделать макиавеллист, это написать „Анти-Макиавелли“»³¹. Тем не менее они лишь усиливают сомнения в том, что адресатом текстов Макиавелли были власть имущие, а их интенцией – консультирование последних.

³⁰ См.: Фридрих Великий, «Анти-Макиавелли» (пер. А. Нартова и др.), в: Фридрих Великий, *Анти-Макиавелли. Наставление о военном искусстве к своим генералам*. Москва: АСТ, 2021, с. 13–14, 16.

³¹ Цит. по: М. А. Юсим, *Макиавелли. Мораль, политика, фортуна*. Москва: Канон+, 2011, с. 75.

Но если не они, то кто? Предположить, что таким адресатом является аристократия, светская и/или духовная, в широком значении этого термина, совершенно невозможно вследствие крайне негативного отношения Макиавелли к ней. Аристократия для него – «отродье – заклятый враг всякой гражданственности». «...В стране, где дворянство многочисленно, необходимо совершенно истребить его...»³² Даже простым методом исключения мы, похоже, приходим к тому, что, если у его текстов вообще есть адресат, то им может быть только «народ». Это заключение и делает, к примеру, Жан-Жак Руссо, выражая его в такой знаменитой формулировке: «Делая вид, что он дает уроки королям, он преподал великие уроки народам. «Государь» Макиавелли – это книга республиканцев»³³.

Казалось бы, мы нашли искомый ответ на вопрос об адресате текстов Макиавелли. И такое ощущение подкрепляется тем, что он сам явно отдает предпочтение «народу» перед государями, не говоря уже об аристократии, и в нравственном, и в политическом плане³⁴. Но в действительности трудности

³² Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», с. 213.

³³ Жан-Жак Руссо. «Об общественном договоре» (пер. А. Д. Хаятина и др.), в: Жан-Жак Руссо. *Трактаты*. Москва: Наука, 1969, с. 204.

³⁴ «Толпа умнее и постояннее государя» – это название главы LVIII первой книги «Рассуждений», в которой Макиавелли рассматривает нравственные и политические свойства «народа». См.: Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», с. 216–220. Примечательно, что многолетний корреспондент и комментатор Макиавелли Франческо Гвиччардини высказывает серьезные со-

в этом пункте только начинаются. Дело в том, что понятие «народ», если оно трактуется *политически*, а не демографически или этнографически, по своей природе двусмысленно, и такая двусмысленность – не проблема, решаемая более строгим семантическим анализом, а именно проблема политической онтологии, проблема *реального* политического явления «народа» в *разных видах* в условиях протекания *разных* политических практик.

мнения на сей счет. См.: Франческо Гвиччардини, *Замечания по поводу «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли* (пер. М. А. Юсима). Москва: Издательский Дом ЯСК, 2023, с. 117–118.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.